

Историческая политика на постсоветском пространстве (на примере памяти о Великой Отечественной войне) в контексте современных геополитических трансформаций

Левченков Александр Станиславович

Кандидат исторических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [1509-8709](#), ORCID: [0000-0002-0058-9391](#), bohem2001@mail.ru

Институт евразийских и восточных исследований, Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, РФ.

Аннотация

Современный исторический ревизионизм на постсоветском пространстве стал прямым следствием геополитических изменений и сопровождавшего их исторического ревизионизма и реваншизма, характерного для недружественных государств коллективного Запада. По мере изменений экономического и военно-политического баланса в мире, выхода на лидирующие позиции новой группы развивающихся государств неизбежной стала трансформация западноцентричного мирового порядка, установленного после окончания холодной войны. На фоне роста геополитической конкуренции между Россией с одной стороны и США и их союзниками в НАТО и Европейском союзе с другой последние активно предпринимали попытки расколоть историческую память народов бывшего Советского Союза, цементирующим элементом которой выступала общая Победа в Великой Отечественной войне. Данная тенденция становилась все более очевидной по мере расширения НАТО и ЕС на восток. Анализ причин и характера, а также инструментария влияния Запада на историческую политику на постсоветском пространстве доказывает прямую связь войн памяти с международной обстановкой и геополитическими целями внешних игроков. Все западные образовательные и научные проекты, связанные с историко-культурной и другой гуманитарной проблематикой, так или иначе базируются на нарративах декоммунизации и так называемой деколонизации постсоветского пространства, демонизируя в конечном счете образы СССР и современной России и историческую роль российской цивилизации, включая период Второй мировой войны. Переписывание истории посредством продвижения исторических фальсификаций играет на руку агрессивным реваншистским кругам недружественных государств Запада, стремящимся сохранить свое доминирование и разорвать культурно-цивилизационное единство пространства российской цивилизации и ее ближайших соседей.

Ключевые слова

Великая Отечественная война, Вторая мировая война, войны памяти, исторический ревизионизм, историческая политика, постсоветское пространство.

Для цитирования

Левченков А.С. Историческая политика на постсоветском пространстве (на примере памяти о Великой Отечественной войне) в контексте современных геополитических трансформаций // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(С). С. 54–65. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-54-65

Historical Policy in the Post-Soviet Space (on the Example of the Memory of the Great Patriotic War) in the Context of Modern Geopolitical Transformations

Alexander S. Levchenkov

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-0058-9391](#), bohem2001@mail.ru

Institute of Eurasian and Oriental Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Abstract

Modern historical revisionism in the post-Soviet space has become a direct consequence of the geopolitical changes and the accompanying historical revisionism and revanchism which are typical to the unfriendly states of the collective West. As the economic and military-political balance in the world changed, and a new group of dynamically developing countries took the leading positions, the transformation of the Western-centric world order established after the end of the Cold War became inevitable. Against the background of growing geopolitical competition between Russia on the one hand and the United States and its allies in NATO and the European Union on the other the latter actively supported attempts to split the historical memory of the peoples of the former Soviet Union, the cementing element of which was the common Victory in the Great Patriotic War. This trend became more and more evident as NATO and the EU expanded eastward. An analysis of the causes and nature, as well as the tools of Western influence on historical politics in the post-Soviet space, proves a direct link between the memory wars and the international situation and the geopolitical goals of external players. All Western educational and scientific projects related to historical, cultural and other humanitarian issues are based in one way or another on the narratives of decommunization and the so-called decolonization of the post-Soviet space, ultimately demonizing the images of the USSR and modern Russia and the historical role of Russian civilization, including the period of the World War II. The rewriting of history through the promotion of historical falsifications plays into the hands of aggressive revanchist circles of unfriendly Western states seeking to maintain their dominance and sever the cultural and civilizational unity of the space of Russian civilization and its closest neighbours.

Keywords

Great Patriotic War, World War II, memory wars, historical revisionism, historical policy, post-Soviet space.

For citation

Levchenkov A.S. (2025) Historical Policy in the Post-Soviet Space (on the Example of the Memory of the Great Patriotic War) in the Context of Modern Geopolitical Transformations. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(С). P. 54–65. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-54-65

Дата поступления/Received: 10.10.2025

Введение

Проблема исторической политики и так называемых войн памяти, несмотря на то, что данные термины появились сравнительно недавно, была актуальной для России на всем протяжении существования российской цивилизации. Геополитические противники в разные периоды стремились в своих интересах умалить историческую роль и значение для общемирового развития Московской Руси и Российской империи, Советского Союза и современной России.

Однако наиболее острый формы войны памяти приобрели в результате распада СССР. Формирование новых независимых государств на постсоветском пространстве во многих случаях сопровождалось попытками сконструировать новые концепции истории национальной государственности, базирующиеся на этноцентристских моделях.

Одновременно пространство ближнего зарубежья оказалось открыто для влияния различных геополитических игроков, в частности недружественных государств Запада, которые использовали сложившуюся ситуацию, повторствуя разрушению историко-культурного единства народов постсоветского пространства, тесно связанных общим прошлым, в котором особенно значимое место занимает память о Победе в Великой Отечественной войне.

В год 80-летия Великой Победы Россия и ее соседи столкнулись с беспрецедентной кампанией по очернению роли и образа Советского Союза, внесшего решающий вклад в общую победу над нацизмом. К сожалению, в официальной идеологии части стран постсоветского пространства утвердились концепции, ставшие результатом исторического ревизионизма и реваншизма. Многие основополагающие концепты, направленные на фальсификацию общего исторического прошлого народов ближнего зарубежья, были сформулированы и продвигаются геополитическими противниками России из числа стран коллективного Запада. Для распространения данных концептов используется разнообразный инструментарий.

Актуальная задача России в этих условиях — выработать и реализовать эффективную программу контрмер для отстаивания исторической правды. Для этого необходим анализ механизмов управления процессами исторического ревизионизма и реваншизма, применяемых нашими геополитическими противниками на постсоветском пространстве, чему, в частности, посвящена данная статья.

Оформление концептуальных основ исторического ревизионизма на Западе

Концептуальные основы для распространения исторического ревизионизма применительно к событиям Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны в частности сложились на Западе еще в период холодной войны. Они заключались прежде всего в умалении роли СССР в общей победе. Не только западная сфера массовой культуры, но и западная, особенно англоязычная, историография оказалась в пленах идеологических штампов холодной войны, направленных на формирование негативного образа и исторической роли СССР. Уже вскоре после окончания Второй мировой войны характерным для англо-американской литературы стало умаление роли Советского Союза в общей победе [Глухарев 2015, 60]. Большую роль сыграл также подбор источников о войне на фронтах Великой Отечественной войны, основу которых для англоязычной историографии во второй половине 1940–1980-х годах составляли документы и мемуарная литература немецкого происхождения, в результате чего «немецкие трактовки войны на Восточном фронте являлись доминирующими» [Glantz 1986, 2]. Даже специалисты, которые предметно изучали операции Великой Отечественной войны, продвигали тезис о второстепенном значении войны на Востоке, пытаясь обосновывать это, например, тем, что война преимущественно имела сухопутный характер, хотя и признавали, что в абсолютных цифрах именно Восточный фронт являлся наиболее крупным [Ziemke 1968].

Совпадение двух составляющих — политического стремления geopolитических противников СССР очернить историческую роль Советского Союза и влияния побежденных, то есть бывших нацистов, генералитета и офицеров вермахта, сотрудничающих с бывшими западными союзниками СССР, — создало условия для распространения на Западе нарративов о «героической» борьбе с большевиками «честных» немецких солдат, тотальном непрофессионализме советского военного руководства, заваливании трупами со стороны Красной армии, образах советских военнослужащих как варваров-оборванцев в тельняшках и т. д., успешно эксплуатируемых в американском кинематографе, посвященном событиям Второй мировой войны.

Окончание холодной войны и открытие широкого массива советских документов для западных ученых в большинстве случаев не привели к переоценке устоявшихся подходов [Глухарев 2015, 62]. Хотя отдельные западные исследователи, погруженные в изучение военных действий на фронтах Великой Отечественной войны, указывали на их масштабность и решающее значение для исхода Второй мировой войны в целом [Davies 2006], это не меняло традиционного западноцентрического подхода к освещению конфликта, а по мере обострения противоречий между Россией и евроатлантическим блоком в массовой культуре на Западе возобладали негативные оценки роли СССР.

Второй, еще более опасной составляющей западного исторического ревизионизма стало утверждение нарратива о двух тоталитаризмах. Еще в годы холодной войны начался процесс трансформации доминирующего в странах Западной и Центральной Европы (не входящих в социалистический лагерь) исторического нарратива о Второй мировой войне, в центре которого стоял Холокост, и его замены концепцией двух тоталитаризмов [Миллер 2019, 88]. Данная концепция окончательно оформилась в 1980–1990-х годах, став основой современной западной пропаганды, пытающейся возложить равную вину за начало Второй мировой войны на Германию и СССР.

Окончание холодной войны и распад СССР, воспринятые на Западе как поражение Советского Союза, открыли возможности для продвижения на базе концепции двух тоталитаризмов идеи о необходимости принятия Россией вины и ответственности за якобы совершенные ошибки и преступления по образцу Германии. Эта идея стала активно распространяться в постсоветский период. Успех реализации данного плана, фактически сводящегося к отрицанию роли СССР в войне как безусловно героической и справедливой, должен был закрепить подчиненное положение Москвы в отношениях с коллективным Западом и лишить российское общество, а также общества других постсоветских стран одной из ключевых основ историко-культурного единства. В исследованиях западных специалистов, пытающихся анализировать процессы исторической памяти в Советском Союзе и постсоветской России, доминировал взгляд на формирование в СССР искусственного образа войны и победы прежде всего как на средство легитимизации власти коммунистической партии и лояльности советского населения [Wolfe et al. 2006, 260].

Несколько десятилетий целенаправленной работы европейских и американских сторонников реваншизма и исторического ревизионизма, особенно активизировавшейся в последние годы на фоне обострения украинского кризиса и Специальной военной операции, привели к тому, что общественное сознание многих европейцев навесило «ярлык агрессора на жертву» [Демурин 2025].

Исторический ревизионизм как инструмент продвижения евроатлантизма

В постсоветский период на пространстве ближнего зарубежья, как, впрочем, и в России, перечисленные западные нарративы стали активно распространяться. Они шли рука об руку с продвижением западноцентрической модели реформирования сферы образования и науки с их стандартами, направленными на «деколонизацию и декоммунизацию» постсоветского пространства.

В целом в условиях восприятия Западом России как проигравшей стороны в холодной войне и по мере роста геополитических противоречий декоммунизационный и деколонизационный дискурсы наряду с концепцией двух тоталитаризмов стали использоваться как идеологическое орудие в борьбе с политическим и культурно-историческим влиянием России.

Продвижение исторического ревизионизма стало причиной развязывания на постсоветском пространстве войн исторической памяти, активными участниками которых наряду с ведущими игроками — США и государствами старой Европы — стали страны Восточной Европы — бывшие члены социалистического лагеря, интегрирующиеся в Евросоюз и НАТО. В середине 1990-х годов можно было наблюдать продвижение нарративов, связанных с ожиданиями новых политических элит в бывших странах соцлагеря не только ослабления связей России с государствами постсоветского зарубежья, но и дезинтеграции самой Российской Федерации [Prôčková 1997, 95]. Тесная взаимосвязь между внешнеполитическими планами ряда стран Евросоюза и проводимой ими исторической политики особенно четко прослеживается на примере Польши — активного игрока на западном фланге постсоветского пространства. Польские политические элиты воспринимают современный западный исторический ревизионизм (то есть утверждение равной вины гитлеровского режима и СССР за развязывание Второй мировой войны) как стратегически выгодный для Варшавы, заинтересованной в очернении своего геополитического противника [Неменский 2024, 183].

Важно подчеркнуть, что в странах ближнего зарубежья на протяжении всего постсоветского периода мы наблюдаем тесную связь между продвижением НАТО и ЕС на восток и исторической политикой, включая память о Великой Отечественной войне. Именно в государствах, где к власти пришли евроатлантисты — в прибалтийских странах и на Украине, исторический ревизионизм принял наиболее жесткие антисоветские и антироссийские формы [Левченков 2021].

Политика памяти в целом и исторический ревизионизм в отношении Великой Отечественной войны стали инструментом легитимизации тех постсоветских политических систем и режимов, которые формировали новую государственность на основе этноцентризма [Козлов 2014]. В странах Балтии утвердился нарратив о советской оккупации, что поддерживалось многочисленными документами Европарламента, Еврокомиссии и Совета Евросоюза [Бойков 2021]. Наряду с решением задачи по очернению общего прошлого с Россией переписывание истории в этих странах служит также инструментом обоснования историко-культурной общности с европейской (западной) цивилизацией [Белов 2022].

В отдельных случаях (прибалтийские государства, Украина с 2014 года) наблюдалась тотальная ценностная инверсия, в рамках которой героями становились те, кто до этого безусловно являлся олицетворением абсолютного зла [Ларионов 2021, 176]. В Прибалтике утвердился официальный взгляд на коллaborационизм как результат исключительно репрессивной политики Советского Союза, в то время как влияние идей местного радикального национализма, имеющих общие черты с германским нацизмом и итальянским фашизмом, отрицаются [Симиндей 2014, 295]. При этом навязывание новых исторических нарративов в реальности привело не к консолидации общества, а к росту конфликтности, расколу по линии исторической памяти, часто дополняющему этноязыковой раскол [Зверев 2024, 169].

Для недружественных государств постсоветского пространства стал характерным процесс так называемой «секьюритизации» России, когда власти целенаправленно конструировали «российскую угрозу», обосновывая ее существованием шаги по борьбе с российским влиянием [Сихарулидзе 2022, 65-66]. Характерным элементом тотальной борьбы против всего, что интерпретировалось как проявление культурно-исторического влияния Москвы, стала политика запрета символики Великой Победы, получившей распространение в России [Бобровский 2021].

В то же время в Беларуси, поддерживающей тесные союзнические отношения с Россией и вместе с ней противостоящей агрессивному евроатлантизму, мы наблюдаем последовательную государственную политику, направленную на сохранение памяти о войне, ее оборонительном характере и решающей роли СССР в победе и освобождении порабощенных гитлеровцами стран Восточной Европы. Это дополняется формированием культурно-исторического нарратива, в целом препятствующего возникновению конфликтности в национальной и языковой политике [Иоффе 2020].

В странах Южного Кавказа и Центральной Азии наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, там имеет место активное продвижение распространяемых и поддерживаемых Западом нарративов деколонизации и освобождения от советского тоталитарного прошлого, имеющих антироссийский характер и подрывающих основы общей исторической памяти.

С другой стороны, значительная часть общества и политических элит этих стран сохраняет память о жертвах, подвигах и самоотверженном труде своих предков в годы Великой Отечественной войны [Грозин 2025]. Отражением этого является, в частности, регулярное участие лидеров большинства государств — участников СНГ в празднованиях Дня Победы в Москве, поддержка резолюций по борьбе с героизацией нацизма, ежегодно принимаемых Генеральной ассамблей ООН по инициативе России. Соавторами данных резолюций традиционно выступает большая группа государств, включая страны СНГ (соавторами резолюции, принятой 17 декабря 2024 года в Нью-Йорке в ходе 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, были в числе других Армения, Азербайджан, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан)¹.

Результаты голосования по резолюциям о борьбе с героизацией нацизма являются наглядным подтверждением теснейшей связи между geopolитической ориентацией и исторической политикой стран ближнего зарубежья. Так, против резолюции 2024 года из числа постсоветских государств проголосовали Грузия, Латвия, Литва, Молдова, Эстония и Украина.

Западный инструментарий управления процессами продвижения исторического ревизионизма

Базовый инструментарий, применяемый Западом в продвижении политики исторического ревизионизма и фальсификаций, достаточно разнообразен. Идеологические нарративы, основанные на концепции двух тоталитаризмов и связанной с ней декоммунизации, а также деколонизации, подразумевают избавление как от ностальгии по общему советскому прошлому, так и от российского историко-культурного влияния в целом. Управление распространением западноцентричного подхода к Второй мировой войне и Великой Отечественной войне происходит с использованием различных механизмов как в политической, так и в гуманитарной плоскостях.

Роль политического локомотива исторического ревизионизма с 2000-х годов взял на себя Европейский союз. С 2004 года число государств — членов ЕС выросло с 15 до 27, вобрав в себя страны, в которых после распада социалистического лагеря стали пользоваться популярностью и поддерживаться со стороны Запада откровенно реваншистские взгляды на историю Второй мировой войны и роль в ней Советского Союза. Отечественные историки и политики справедливо отмечают, что «в ЕС практически не осталось ни одной страны, которая не была бы участницей нацистской оси, либо не союзничала с фашистской Германией, либо не была ею захвачена» перед нападением на СССР, и, соответственно, все они участвовали или помогали Гитлеру в войне².

¹ О принятии Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1988097/ (дата обращения: 18.05.2025).

² Вячеслав Никонов. Нас судят те, кто был вместе с Гитлером // Деловая газета «Взгляд» [Электронный ресурс]. URL: <https://vz.ru/opinions/2020/1/28/1020681.html> (дата обращения: 18.05.2025).

За последние два десятилетия органы ЕС и отдельные группы европейских государств выпустили десятки резолюций и деклараций, прямо направленных на дискредитацию роли Советского Союза в войне, включая Резолюцию Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1481³, Декларацию Европарламента о провозглашении 23 августа европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма (2008 год)⁴, Резолюцию Европарламента о европейской совести и тоталитаризме (2009 год)⁵, Варшавскую декларацию представителей правительств стран ЕС (2011 год)⁶, Резолюцию Европарламента «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы» (2019 год), согласно которой СССР и Германия «поделили Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами, что проложило дорогу к началу Второй Мировой войны»⁷. 23 января 2025 года была принята Резолюция Европарламента «О российской дезинформации и фальсификации истории в целях оправдания агрессивной войны России против Украины», прямо направленная против Российской Федерации: согласно мнению европейских парламентариев, «Россия не только не признала непростительную первоначальную роль Советского Союза на ранних этапах Второй мировой войны... но нынешний российский режим также использовал историю как инструмент и создал культ “победы” во Второй мировой войне, чтобы идеологически мобилизовать граждан и манипулировать ими, заставляя поддерживать незаконную агрессивную войну»⁸. Важную роль в составлении текстов данных документов играют представители стран Восточной Европы и постсоветского пространства, включая Литву, Латвию и Эстонию.

В этих же государствах раньше всего стали создаваться специальные структуры, занимающиеся коррекцией исторической памяти. К ним относится сеть институтов национальной памяти (польский Институт национальной памяти, румынский Институт по расследованию коммунистических преступлений, чешский Институт по изучению тоталитарных режимов, словацкий Институт памяти нации). В прибалтийских государствах была создана сеть музеев так называемой оккупации (литовский Музей оккупации и борьбы за свободу, латвийский Музей оккупации, эстонский Музей оккупаций и свободы).

По мере расширения НАТО на восток, а также оформления новой политики соседства Европейского союза, завершением которой стала программа «Восточное партнерство», стартовавшая в 2009 году и вовлекшая в свою орбиту Азербайджан, Армению, Беларусь (приостановила участие в 2021 году), Грузию, Молдову и Украину, постсоветское пространство все больше охватывалось сетью различных структур, работающих в интересах продвижения реваншистских трактовок по образцам, обкатанным в странах Восточной Европы и в Прибалтике. На Украине при Викторе Ющенко в 2006 году был создан Украинский институт национальной памяти. Именно этот институт принимал непосредственное участие в подготовке и реализации пакета декоммунизационных законов, принятых в 2015 году, ставя одной из своих задач дискредитацию традиционного празднования Дня Победы 9 мая, которое, по мнению сотрудников института, привело к «доминированию исторических

³ Резолюция 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» // Совет Европы [Электронный ресурс]. URL: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJan2006%5D/Res1481_rus.asp#P3_76 (дата обращения: 08.05.2025).

⁴ Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2008-0439_EN.html?redirect (дата обращения: 18.05.2025).

⁵ European Parliament resolution of 2 April 2009 on European conscience and totalitarianism // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2009-0213_EN.html?redirect (дата обращения: 18.05.2025).

⁶ Варшавская Декларация ЕС по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных режимов // Регnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1439061.html> (дата обращения: 18.05.2025).

⁷ European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html (дата обращения: 18.05.2025).

⁸ European Parliament resolution on “Russia’s disinformation and historical falsification to justify its war of aggression against Ukraine” // European Parliament [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-10-2025-0006_EN.html (дата обращения: 18.05.2025).

мифов, перманентному противостоянию в обществе и усилию влияния Российской Федерации на общественную и политическую жизнь в Украине⁹. В Кишиневе был открыт Музей национальной памяти, созданный при поддержке Ассоциации жертв коммунистического оккупационного режима и ветеранов румынской армии¹⁰.

На проблему продвижения исторического ревизионизма и реваншизма на постсоветском пространстве необходимо смотреть широко и комплексно, не ограничиваясь исключительно особенностями ситуации, развивающейся только в области исторической политики. Важнейшую роль играют процессы, связанные с позициями русского языка и русскоязычного образования в странах ближнего зарубежья.

Ситуация в странах, интегрированных в европейские или евроатлантические структуры или находящихся под их контролем (Латвия, Литва, Эстония, Украина), крайне тяжелая по причине проводимой в этих государствах политики вытеснения русского языка из всех сфер жизнедеятельности, что закреплено местными законами.

В других странах, включая государства — члены СНГ, положение русского языка и русскоязычного образования, за исключением Беларуси, также вызывает озабоченность у специалистов. Авторы исследования образования с русскоязычным компонентом, проведенного под эгидой МАПРЯЛ в 2024 году, констатировали, что в особенно рискованном положении по политическим причинам в последнее время русскоязычное образование находилось в Молдове (из-за позиции евроатлантической команды Майи Санду), в то время как в Армении и странах Центральной Азии оно сталкивается с наиболее жесткой конкуренцией со стороны англоязычного, турецкого и китайского образовательных сегментов [Образование с русскоязычным компонентом за рубежом 2024, 26]. Националистически настроенные политические силы периодически предпринимают попытки лишить русский язык имеющегося официального статуса, например, в Кыргызстане¹¹. На позициях русскоязычного сегмента образования в Азербайджане негативным образом может оказаться приостановка по требованию азербайджанской стороны деятельности Русского дома в Баку в начале 2025 года¹².

Ограничение возможностей получения образования на русском языке и его изучения неизбежно будет сужать для граждан стран ближнего зарубежья и возможности получения достоверной информации об историческом прошлом, что позволит оппонентам России вне конкуренции транслировать свои нарративы через англоязычный и другие иноязычные сегменты.

Запад вкладывал и продолжает вкладывать серьезные финансовые средства в развитие различных программ, направленных на трансформацию обществ в странах ближнего зарубежья и сокращение российского языкового и историко-культурного влияния. Большой активностью на протяжении практически всего постсоветского периода отличались запрещенные в России соросовские структуры (фонд «Открытое общество»¹³ и аффилированные с ним структуры). К примеру, по линии Сороса, только согласно данным из открытых источников, в Армении было потрачено порядка \$60 млн с 1997 по 2021 годы¹⁴, в Казахстане — более \$100 млн с 1995 по 2023

⁹ 2 Українска Друга світова війна. Методичні матеріали // Правительство Украины [Электронный ресурс]. URL: <https://ww2.uinp.gov.ua/metodychni-materialy/> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁰ Ассоциация жертв коммунистического оккупационного режима и ветеранов румынской армии требует ликвидации последствий пакта Молотова-Риббентропа // Press Обозрение [Электронный ресурс]. URL: <https://press.try.md/item.php?id=1696> (дата обращения: 18.05.2025).

¹¹ В Киргизии предложили лишить русский язык статуса официального // Interfax.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/738769> (дата обращения: 28.03.2025); «Русского становится меньше»: Киргизия готовит реформу языка // Газета.ru [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/11/25_a_14245255.shtml (дата обращения: 18.05.2025).

¹² Русский дом в Баку приостанавливает свою деятельность // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/23108771> (дата обращения: 18.05.2025).

¹³ Признан нежелательной организацией в РФ.

¹⁴ Айк Бабуханян: По линии фонда Сороса в Армении с 1997г. было раздано грантов на сумму в \$60 млн. // NEWS.am [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/news/634576.html> (дата обращения: 18.05.2025)

годы¹⁵, в Кыргызстане — около \$115 млн с 1993 по 2024 годы¹⁶, в Молдове — около \$130 млн только за период с 1992 по 2020 годы (до прихода к власти Майи Санду, в последние годы суммы продолжали расти)¹⁷, Узбекистане — \$22 млн с 1996 по 2004 годы¹⁸. Формальное закрытие филиалов или представительств фонда в различных странах в последние годы не означало отказа Сороса от работы, она принимала иные формы с упором на дистанционное взаимодействие, о чем неоднократно заявляли сами представители соросовских структур¹⁹.

Внушительные суммы шли на переформатирование научно-образовательных систем и организацию работы (в том числе антиправительственного характера) общественных объединений в странах СНГ по линии Агентства США по международному развитию (USAID), признанного нежелательной организацией в России в 2012 году. Финансирование USAID на постсоветском направлении в целом резко увеличивалось в периоды обострения российско-американских отношений. Так, на «поддержку демократии» (включая гранты на образовательные и просветительские цели) в странах СНГ по линии USAID за 2021 было выделено \$243 млн, а только за половину 2022 года финансирование составило порядка \$248 млн²⁰. Крупнейшими получателями грантов стали Армения, Грузия и Молдова.

С приходом к власти в США президента Дональда Трампа наблюдалось ужесточение аудита расходов на зарубежные программы по так называемому продвижению демократии, в результате чего была приостановлена деятельность USAID, с соросовскими структурами у новой американской администрации также изначально сложились сложные отношения. Однако, вероятнее всего, речь идет не об отказе Вашингтона от механизмов мягкосилового влияния, а скорее о переформатировании финансовых потоков в пользу ставленников новой президентской команды.

Крупным центром мягкосилового влияния Запада в Центральной Азии в настоящее время является Американский университет в Центральной Азии (АУЦА), основанный в 1993 году и расположенный в Бишкеке. Его официально декларируемая миссия — демократизация посредством избавления региона от «привычных авторитарных форм управления»²¹. АУЦА оперативно реагирует на изменения geopolитической обстановки, следя инструкциям из Вашингтона при выборе тематики и подходов в образовательной деятельности²². В числе основных доноров АУЦА по настоящее время значится Институт «Открытое Общество»²³.

Большой активностью, прежде всего в Центральной Азии, отличается Фонд Ага Хана, который работает под эгидой сети организаций Aga Khan Development Network ([AKDN](#)) — международной религиозной структуры с главным офисом в Лиссабоне (Португалия), руководимой имамами шиитов-исмаилитов. Значительная часть финансирования AKDN — гранты западных фондов и организаций. Наиболее значимый образовательный проект AKDN — [Университет Центральной Азии](#) (УЦА), основанный в 2000 году совместно с правительствами Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана и

¹⁵ Фонд Сороса в Казахстане перестал существовать // Forbes [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/articles/fond_sorosa_v_kazahstane_preobrazovali_v_issledovatelskiy_tsentr (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁶ Фонд Сороса в Киргизии прекратил работу из-за закона о некоммерческих организациях // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/20556737> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁷ Каковы точные цифры финансирования НПО Молдовы Западом // NOI.md [Электронный ресурс]. URL: <https://noi.md/rv/obshhestvo/kakovy-tochnye-cifry-finansirovaniya-pro-moldovu-zapadom> (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁸ Джордж Сорос в Центральной Азии // CA&C Press AB [Электронный ресурс]. URL: https://ca-c.org.ru/journal_rus/cac-04/03.abdrus.shtml (дата обращения: 18.05.2025).

¹⁹ Фонд Сороса в Казахстане перестал существовать // Forbes.ru [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/articles/fond_sorosa_v_kazahstane_preobrazovali_v_issledovatelskiy_tsentr (дата обращения: 18.05.2025).

²⁰ Аттракцион невиданной щедрости в странах: сколько и на что USAID тратит в СНГ // SPUTNIK Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20221129/usaid-ustroilo-attraksion-nevidannoy-schedrosti-v-stranakh-sng-51953774.html> (дата обращения: 18.05.2025).

²¹ Миссия, ценности, идеи // Американский университет в Центральной Азии // АУЦА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auca.kg/ru/mission/> (дата обращения: 18.05.2025).

²² Внедрение деятельности и мероприятия // АУЦА [Электронный ресурс]. URL: https://www.auca.kg/ru/icp_extracurricular_activities/ (дата обращения: 18.05.2025).

²³ Стипендиальные программы // АУЦА [Электронный ресурс]. URL: https://www.auca.kg/ru/donor_scholarships/ (дата обращения: 18.05.2025).

имеющий филиалы в этих странах. В УЦА и партнерских организациях прошли обучение, включая программы дополнительного образования, более 230 тысяч человек.

На Южном Кавказе наиболее значимые центры мягкосилового влияния США и ЕС представлены в Армении. Это Американский [университет](#) Армении, Французский [университет](#) Армении, Европейский [университет](#) Армении (ЕУА). В этих вузах обучаются в том числе дети представителей армянской политической и бизнес-элиты, выпадающие из россиецентричного цивилизационного пространства.

Евросоюз в странах СНГ активно развивает целый ряд других образовательных проектов, финансируемых в рамках программ [Erasmus+](#), [Horizon Europe](#) и ряда других, которыми в совокупности охвачены десятки тысяч граждан стран СНГ, преимущественно молодежь.

Определенную роль в продвижении исторического ревизионизма играет такая профильная европейская структура, как [ЕвроКлио](#) (EuroClio) — Европейская ассоциация преподавателей истории, созданная в 1992 году по инициативе Совета Европы для налаживания связей между педагогами - историками в государствах — членах ЕС, а также прилегающих регионах. ЕвроКлио работает по принципу зонтичной организации, объединяя в настоящее время более 80 ассоциаций — полноправных и ассоциированных членов, представляющих около полусотни государств, включая страны СНГ. Анализ деятельности ЕвроКлио убедительно демонстрирует ее фокус на продвижение в странах ближнего зарубежья европоцентрических трактовок истории и современных международных процессов, включая доминирование концепции двух тоталитаризмов, толерантное отношение к войне с памятниками в Восточной Европе и на постсоветском пространстве, активное участие в переработке образовательных стандартов в области преподавания истории в пользу так называемой деколонизации [Курбатова 2024].

Все западные образовательные и научные проекты, связанные с историко-культурной и другой гуманитарной проблематикой, так или иначе базируются на нарративах декоммунизации и деколонизации постсоветского пространства, демонизируя в конечном счете образы СССР и современной России и историческую роль российской цивилизации, включая период Второй мировой войны.

Заключение

Современная политика недружественных стран коллективного Запада и его сателлитов на постсоветском пространстве по фальсификации истории Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны в частности преследует вполне конкретные задачи.

Расчеловечивание образа СССР, правопреемником которого является современная Россия, и Красной армии — основа попыток очернить в глазах мировой общественности образ нашей страны как великой державы — ключевого участника антигитлеровской коалиции, внесшего решающий вклад в Победу во Второй Мировой войне.

Пропаганда тезиса о возложении на Советский Союз равной с гитлеровским режимом вины за начало Второй мировой войны подталкивает недружественные государства коллективного Запада и их сателлитов к использованию данного тезиса в качестве одного из аргументов для дальнейшего пересмотра итогов войны с опасными последствиями — от попыток потребовать от России reparations (юридическую основу для которых неустанно прорабатывают в ряде стран, прежде всего в государствах Балтии и в Польше, сторонники reparations от России как правопреемницы СССР имеются и среди политических элит Румынии, Финляндии, Чехии и др.) и подорвать позиции России в Организации Объединенных Наций до потакания территориальным претензиям отдельных реваншистски настроенных политиков, прежде всего в Прибалтике, Польше,

на Украине, в Японии. Власти прибалтийских республик и Польши весь постсоветский период активно работают над обоснованием якобы несправедливо проведенных границ с Россией, претензии на некоторые российские территории, в частности Карелию, высказывают отдельные действующие финские политики.

Хотя планы по reparations и территориальным претензиям к России выглядят утопичными, само их наличие будет обеспечивать геополитическим противникам Москвы главное — поддержание напряжения в отношениях нашей страны с соседними государствами. По сути, продвижение исторических фальсификаций играет на руку агрессивным реваншистским кругам недружественных государств Запада, стремящимся любой ценой сохранить свое доминирование и разорвать культурно-цивилизационное единство пространства российской цивилизации и ее ближайших соседей.

Список литературы:

Белов С.И. Государственная политика памяти на Украине после Евромайдана // Международная жизнь. 2022. № 3. С. 28–35.

Бобровский А.С. Историческая память и Георгиевская лента в современной политике на постсоветском пространстве // Вестник МНЭПУ. 2021. № 2. С. 277–279.

Бойков С. Влияние исторической политики стран Балтии на отношения России и Евросоюза // Международная жизнь. 2021. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2562>

Глухарев Н.Н. К вопросу о месте советско-германского фронта Второй мировой войны в англо-американской историографии // Локус: люди, общество, культуры и смыслы. 2015. № 4. С. 59–73.

Грозин А.В. Великая отечественная война 1941–1945 гг. в исторической политике центральноазиатских республик. Часть I // Постсоветский материк. 2025. № 1(45). С. 31–49. DOI: [10.48137/23116412_2025_1_31](https://doi.org/10.48137/23116412_2025_1_31)

Демурин Д.М. И вновь продолжается бой! Исторический ревизионизм Запада и подготовка к новой войне // Международная жизнь. 2025. № 5. С. 14–21.

Зверев К.А. Праздничные и памятные даты как инструмент исторической политики стран Балтии // Петербургский исторический журнал. 2024. № 3(43). С. 164–174. DOI: [10.51255/2311-603X_2024_3_164](https://doi.org/10.51255/2311-603X_2024_3_164)

Иоффе Г.В. О национальной памяти белорусов // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. С. 438–482.

Козлов С.В. Политика памяти как инструмент легитимации постсоветской украинской государственности // Вестник Российской нации. 2014. № 1(33). С. 122–132.

Курбатова А.Г. Мемориальные символы исторического наследия в образовательных проектах Европейской ассоциации преподавателей истории (ЕвроКлио) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 5. С. 104–118. DOI: [10.7256/2454-0609.2024.5.71916](https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.5.71916)

Ларионов А.Э. Власть и память: советское прошлое в исторической политике постсоветских режимов // Власть. 2021. № 6. С. 173–177. DOI: [10.31171/vlast.v29i6.8710](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8710)

Левченков А.С. Исторический ревизионизм и память о Великой Отечественной войне в геополитическом противостоянии на западном фланге постсоветского пространства // Постсоветские исследования. 2021. № 7. С. 581–590.

Миллер А.И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия // Полития. 2019. № 3(94). С. 87–102. DOI: [10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102)

Неменский О.Б. Историческая политика партии «Право и справедливость» в 2015–2019 гг. // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 1(82). С. 180–205. DOI: [10.52311/2079-3359_2024_1_180](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_180)

Образование с русскоязычным компонентом за рубежом: состояние и возможности для развития / под ред. А.В. Коротышева, Н.В. Бруновой, Ю.А. Горячева, Е.А. Омельченко, А.А. Шевцовой. М.: Этносфера, 2024.

Симиндей В.В. Огнем, штыком и лестью. Мировые войны и их националистическая интерпретация в Прибалтике. М.: Фонд «Историческая память», 2015.

Сихарулидзе А.Т. От «противодействия» к «конструированию» российских угроз в Грузии при Михаиле Саакашвили // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 2. С. 59–78. DOI: [10.46272/2587-8476-2022-13-2-59-78](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-59-78)

Davies N. Europe at War 1939–1945: No Simple Victory. New York: Macmillan, 2006.

Glantz D. American Perspectives on Eastern Front Operations in World War. Fort Leavenworth: DTIC, 1986.

Prôčková F. Historical-Political Reflection on the Movement in the Post-Soviet Space // Czech Journal of International Relations. 1997. Vol. 32. Is. 1. P. 89–95. DOI: [10.32422/cjir.1268](https://doi.org/10.32422/cjir.1268)

Wolfe T.C. Past as Present, Myth, or History? Discourses of Time and the Great Fatherland War // The Politics of Memory in Postwar Europe / ed. by R.N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu. Durham, London: Duke University Press, 2006. P. 249–283.

Ziemke E. Stalingrad to Berlin. The German Defeat in the East. Washington: Office of the Chief of Military History, U.S. Army, 1968.

References:

Belov S.I. (2022) State Politics of Memory in Ukraine After the Euromaidan. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 3. P. 28–35.

Bobrovsky A.S. (2021) Historical Memory and the St. George Ribbon in Modern Politics in the Post-Soviet Space. *Vestnik MNEPU*. No. 2. P. 277–279.

Boikov S. (2021) Vliyaniye istoricheskoy politiki stran Baltii na otnosheniya Rossii i Evrosoyuza [The influence of the historical policy of the Baltic States on relations between Russia and the European Union]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2562>

Davies N. (2006) *Europe at War 1939–1945: No Simple Victory*. New York: Macmillan.

Demurin D.M. (2025) I vnov' prodolzhayetsya boy! Istoricheskiy revizionizm Zapada i podgotovka k novoy voynye [And the battle continues again! Historical revisionism of the West and preparations for a new war]. *Mezhdunarodnaya zhizn'*. No. 5. P. 14–21.

Glukharev N.N. (2015) To the Issue of the Place of the Soviet-German Front of the Second World War in the British and American Historiography. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury i smysly*. No. 4. P. 59–73.

Grozin A.V. (2025) The Great Patriotic War of 1941–1945 in the Historical Politics of the Central Asian Republics. Part I. *Postsovetskiy materik*. No. 1(45). P. 31–49. DOI: [10.48137/23116412_2025_1_31](https://doi.org/10.48137/23116412_2025_1_31)

Ioffe G.V. (2020) O natsional'noy pamyati belorusov [On the national memory of Belarusians]. In: *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Evropy*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge. P. 438–482.

Korotyshev A.V., Brunova N.V., Goryachev Yu.A., Omelchenko E.A., Shevtsova A.A. (eds.) (2024) *Obrazovaniye s russkoyazychnym komponentom za rubezhom: sostoyaniye i vozmozhnosti dlya razvitiya* [Education with a Russian-speaking component abroad: The state and opportunities for development]. Moscow: Etnosfera.

Kozlov S.V. (2014) Politika pamyati kak instrument legitimatsii postsovetskoy ukrainskoy gosudarstvennosti [Politics of memory as a tool for legitimizing post-Soviet Ukrainian statehood]. *Vestnik Rossiyskoy natsii*. No. 1(33). P. 122–132.

Kurbatova A.G. (2024) Memorial Symbols of Historical Heritage in Educational Projects of the European Association of History Teachers (EuroClio). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. No. 5. P. 104–118. DOI: [10.7256/2454-0609.2024.5.71916](https://doi.org/10.7256/2454-0609.2024.5.71916)

Larionov A.E. (2021) Power and Memory: Soviet Past in the Historical Politics of the Post-Soviet Regimes. *Vlast'*. No. 6. P. 173–177. DOI: [10.31171/vlast.v29i6.8710](https://doi.org/10.31171/vlast.v29i6.8710)

Levchenkov A.S. (2021) Historical Revisionism and the Memory of the Great Patriotic War in the Geopolitical Confrontation on the Western Flank of the Post-Soviet Space. *Postsovetskie issledovaniya*. No. 7. P. 581–590.

Miller A.I. (2019) Growth of the Significance of Institutional Factor in Politics of Memory — Causes and Implications. *Politiya*. No. 3(94). P. 87–102. DOI: [10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2019-94-3-87-102)

Nemensky O.B. (2024) The Law and Justice Party's "History Policy" during 2015–2019. *Problemy natsional'noy strategii*. No. 1(82). P. 180–205. DOI: [10.52311/2079-3359_2024_1_180](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_180)

Prôčková F. (1997) Historical-Political Reflection on the Movement in the Post-Soviet Space. *Czech Journal of International Relations*. Vol. 32. Is. 1. P. 89–95. DOI: [10.32422/cjir.1268](https://doi.org/10.32422/cjir.1268)

Sikharulidze A.T. (2022) From "Countering" to "Constructing" Russian Threats in Mikheil Saakashvili's Georgia. *Mezhdunarodnaya analitika*. Vol. 13. No. 2. P. 59–78. DOI: [10.46272/2587-8476-2022-13-2-59-78](https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-2-59-78)

Siminday V.V. (2015) *Ognem, shtykom i lest'yu. Mirovyye voyny i ikh natsionalisticheskaya interpretatsiya v Pribaltike* [With fire, bayonet and flattery. World Wars and their nationalist interpretation in the Baltic States]. Moscow: Fond "Istoricheskaya pamyat".

Wolfe T.C. (2006) Past as Present, Myth, or History? Discourses of Time and the Great Fatherland War. In: Lebow R.N., Kansteiner W., Fogu C. (eds.) *The Politics of Memory in Postwar Europe*. Durham, London: Duke University Press. P. 249–283.

Ziemke E. (1968) *Stalingrad to Berlin. The German Defeat in the East*. Washington: Office of the Chief of Military History, U.S. Army.

Zverev K.A. (2024) Holidays and Memorable Dates as an Instrument of the Historical Policy of the Baltic States. *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. No. 3(43). P. 164–174. DOI: [10.51255/2311-603X_2024_3_164](https://doi.org/10.51255/2311-603X_2024_3_164)